

Яна Вильмс

Я ПОМНЮ

Яна Вильмс

Я помню

«Автор»

2026

Вильмс Я.

Я помню / Я. Вильмс — «Автор», 2026

Сейчас я довольно взрослая женщина, но детские и юношеские годы прочно впечаталась в мою память. Хочу поделиться этой памятью и этим, для кого-то неизвестным временем, с вами, дорогие читатели. Воспоминания эти короткие, точечные, локальные и, надеюсь, будут вам интересны.

© Вильмс Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тюремные младенцы	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Яна Вильмс

Я помню

Глава 1. Тюремные младенцы

Июль 1952 года. Женская тюрьма. Больница. Крики роженицы, мягкий успокаивающий голос акушерки. Крик ребёнка. Девочка!

Угораздило же меня родиться в том месте и в то время.

Родилась я слабым, болезненным, синюшным ребёнком.

Из достоинств – огромные голубые глаза и неумение плакать.

Недостатки – кривые ножки и вероятность умереть в любую секунду.

Для кого - тюрьма, для меня – мать родна.

ВЫходили меня тюремные врачи и медсёстры, выкормили.

Мама моя, по своему гражданскому временному статусу советской заключённой, обязана была соблюдать тюремный режим, шить со своими товарками по бараку что-то по заказу Советской Армии и не баловала новорожденную своим постоянным присутствием.

До года я росла под присмотром больничной нянечки, у которой нас было несколько малолетних и, я бы сказала, маломесячных и малонедельных питомцев.

Почему родственники не забрали меня на волю, не знаю. Возможно, боялись не справиться с хилостью и синюшностью внучки-племянницы в трудные насытные времена.

Март 1953 года. Умер всеми любимый и ненавидимый Иосиф Виссарионович Сталин.

Убитые горем женщины – временные жилицы какого-то там тюремного номерного почтового ящика – рыдали в голос, не зная, как страна будет жить дальше без своего великого кормчего.

Холодное лето 1953-го – фильм про таких, как моя мама.

Её, а вместе с ней и меня, освободили по какому-то там приказу в июле этого года и дозволили отправляться на все четыре стороны за воротами тюрьмы.

Маму интересовала только одна сторона, маленький городок в Тюменской области в двухстах километрах от тюремных ворот.

Шли несколько дней. Добрые люди давали измученной нелёгкой дорогой женщине с годовалым ребёнком картошку, хлеб, воду.

Мы добрались до этого городка.

Я, молчаливый, неплаксивый, тихий ребёнок с почти прозрачной бледной кожей, вызывала у соседских кумушек неподдельную жалость.

"Ой, Нюра" - вещала сердобольная соседка тётя Тоня - "Не жилец твоя девчонка. Глянь, даже не плачет, глазёнками хлопает и молчит. Мордашечка бледненькая, ручки-ножки как спички. В чём только душенька держится?"

Мама гнала этих кликуш - вестниц несчастий: "Иди, Тоня, домой, смотри за своими ребятами. А моя выживет! Не для того я ее там рожала, чтобы здесь похоронить."

Слова "тюрьма" и "зона" никогда не произносились в нашей семье. О своём месте рождения я узнала в шестнадцать лет от сестры первого мамино мужа, сгоревшего в танке под Курском во время Великой Отечественной.

- Мама, - спрашивала я - Как ты это перенесла? Беременность и роды там, где женщине априори быть нельзя? Кто меня кормил? Сколько времени ты проводила со мной? О чём ты думала?

- Знаешь, - отвечала мама - Там тоже люди. Они такие же, как на свободе: плохие и хорошие. Хороших больше. Я была в категории "мамочек". Для этой категории был специальный

распорядок дня. Утром я приходила в больничный корпус, кормила тебя, нянчила. Потом шла на рабочее место. Три раза в день я была с тобой. К нам, Мамочкам, было особое отношение - уважительное, как от эков, так и от охраны.

За детьми был уход как в нормальных яслях и детских садах на воле.

Вот только материнская ласка и внимание были дозированными. Никто по ночам не подходил к детской кроватке спящего ребенка, не смотрел на него любящим взглядом, не поправлял сползающее одеяльце с маленького, беспомощного тельца.

Говорят, мама любила меня больше всех своих детей. Наверное, это от того, что не смогла дать любви в полной мере в первый год моей жизни.

Чувствовала ли я себя недолюбленной? Да, чувствовала и чувствую сейчас, когда мама уже давно на небесах. Но вины ее в этом нет. Она прожила нелегкую жизнь и прошла испытания, которые нормальные люди не пожелают злейшему врагу. Моя мама в моих глазах герой, не сломленный жизненными бурями и ураганами.

Очень сожалею о том, что не смогла дать ей всю любовь, внимание и тепло, которые она заслуживает.

Вероятно, все мы, рожденные в местах заключения, всю жизнь испытываем последствия дефицита нежности и материнской любви.

Во время прибывания в тюремной больнице и яслях, по мнению современных психологов, я получила чувствительную детскую травму и долгое время боялась людей в военной форме. Я была уверена, что в их присутствии нельзя разговаривать, шуметь, двигаться.

Эту травму я изжила самостоятельно, но так и не поняла, откуда она взялась у годовалого ребёнка, который не знал, ни что такое шмон, ни что такое тюремный режим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.